

*PIAE MEMORIAE
ALEXANDRI IOSEPHI F. ZAJCEV*

Parvo, Camena, carmine munera
quis digna digno ferre viro queat,
virtutis immensos labores
quis gracili resonare plectro?

At Musa dulcis, talia dum queror,
respondet: "Alto flamine nil opus!
In corde sacrata est imago
fixaque discipulis magistri".

Te, sancte, candor, te pietas iuvat
sermoque purae mentis et integrae,
tu post Aristiden ademptum
iustitiae remanes imago.

Nil, nil agis, Mors. Socratica valet
qui mente durum vincere carcerem,
contemnit et mortis timores
et stabili Styga calce transit.

Cui docta surgit Elysii cohors:
Auguste,¹ nutas non tragicum tuens;
amicum, Aristide, salutes
Herodoti referens leporem:

Iacobus en te versibus excipit
gaudens Latinis; "Petropolim sacram"
Thaddaeus invitat "videto!"
Ille videt; gemitus sequuntur:

"Heu fabulosis quid moror in locis,
cui sancta plus quam plurima patria
cordi est? Alexandrine amici
docta parant monumenta? Nec sunt

¹ Non imperator, sed vir doctissimus Augustus Nauck Petropolitanus. Idem dicendum de ceteris nominibus.

Sprenenda. Nam quos edocui libens
 et quos amicos nunc habui vides!
 Hoc me beatum reddet, hoc me
 munus amicitiae iuvabit”.

Thaddaeus huic: “Ver iam redit aureum.
 Humanitatis proferet hinc Scythes
 praecepta doctus, perdocebit
 Graeca, Latina, coletque pacem.

Contingat o tum vita mihi; velim
 spectare sanctam Petropolim, boni
 quo quidquid Europae repertum
 confluat, erudiatque saecula”.

M. von Albrecht

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ИОСИФОВИЧА ЗАЙЦЕВА

Кому же из певцов, скажи, достанет сил,
 Камена, дар воздать, заслугам соразмерный?
 Кто б доблесть редкую достойно возгласил
 И труд его неимоверный?

Но, эту жалобу услышав, мне в ответ
 Сказала Муза так: “Что слов высокопарность?
 В сердцах учеников наставник ведь живет,
 И век не смолкнет благодарность”.

Лишь речи праведной твой слух всегда открыт,
 Лишь сердцу чистому, лишь мысли безупречной.
 Ты справедливости, как прежде Аристид,
 Теперь наставник будешь вечный.

О Смерть, бессильна ты! Кто крепкую тюрьму
 Попрал и сокрушил Сократовой отвагой,
 Тому не страшен твой свирепый взор. – Тому
 Спокойно плыть Стигийской влагой.

Тебя в Элизии встречая, восстает
 И Август¹ твой, плющом виски себе венчавший,

¹ Не император, а петербургский филолог Август Наук; то же следует сказать и о других именах.

И верный Аристид, – он, Геродотов мед
В сосуды ценные собравший.

И Яков вслед за ним – тебя увидеть рад –
Встречает твой приход латинскими стихами.

“Вот, – говорит Фаддей, – вот твой священный град!” –

И ты взираешь со слезами:

“Что ваша красота, блаженные края,
Кому любой земли отечество дороже?

Два Александра нам – ученые друзья –

Готовят памятник? так что же –

Мы не отвергнем их. Питомцев и птенцов –
Своих учеников – ты видишь, как их много! –

Друзьями сделал я. Где крепче есть покров,

И к счастью чья верней дорога?”

В ответ ему Фаддей: “И любопытный скиф
Зарю золотых веков уж в небе различает,

И, ветхой древности плоды себе открыв,

Усердно внуков поучает.

О, если б мне дожить до славной той поры,
Когда Петрополь наш получит во владенье

Европы мощный труд и лучшие дары –

Векам урок и наставлень”.

Пер. А. И. Любжина